

Под редакцией Бориса Румера

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

2007

Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы, 2007

«Новое издательство»

2007

Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы, 2007 /
«Новое издательство», 2007

Новый выпуск ежегодного сборника «Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы» продолжает публикацию статей, содержащих результаты работы по проекту Фонда им. Сасакавы за 2006 год и освещающих важнейшие аспекты политической и экономической действительности в странах Центральной Азии и Южного Кавказа. Авторы сборника – эксперты из Казахстана, Узбекистана, Грузии, Армении и России. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

, 2007

© Новое издательство, 2007

Содержание

От редактора	5
Введение	6
Казахстан	7
Узбекистан	12
Кыргызстан	13
Туркменистан	14
Азербайджан	15
Угрозы стабильности	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Под редакцией Бориса Румера Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы

От редактора

Данное ежегодное издание продолжает публикацию статей, содержащих результаты работы по проекту Фонда им. Сасакавы (SPF) за 2006 г. и освещающих важнейшие аспекты политической и экономической действительности в странах Центральной Азии и Южного Кавказа. Авторы – эксперты из Казахстана, Узбекистана, Грузии, Армении и России. В основу большинства статей положены доклады, сделанные на конференциях, проведенных в рамках проекта в июле (Бангкок) и ноябре (Гоа) 2006 г. Никакого единообразия в подходах и оценках, разумеется, в статьях нет, да и быть не может: организаторы конференций заинтересованы в их дискуссионном характере и никоим образом не стремятся к приглаживанию противоречий в суждениях участников. Работа по проекту, начатая в 1995 г., охватывает наиболее животрепещущие проблемы внутри- и внешнеполитической, экономической и социальной действительности стран региона.

Цель публикаций в рамках проекта, как и проводимых конференций, – обнажить ключевые проблемы, возбудить вокруг них конструктивную дискуссию и представить весь спектр мнений ее участников. Публикации, как и проект в целом, лишены какой-либо политической или идеологической заданности. Право на высказывание различных точек зрения является принципиальной установкой проекта. Рукопись была завершена в конце 2006 г. За время, которое займет ее издание, ситуация в охваченных проектом странах может измениться. Тем не менее я надеюсь, что публикуемые статьи не утратят своего значения для понимания насущных проблем и анализа тенденций развития Центральной Азии и Южного Кавказа.

Борис Румер

Введение

Борис Румер

Оценивая в целом внутривнутриполитическую ситуацию в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (ЦА/ЮК), надо прежде всего отметить, что за период, минувший после выхода в свет предыдущего ежегодника, в них не произошли сколько-нибудь существенные сдвиги в сторону либерализации политической и общественной жизни. Правящие авторитарные режимы не ослабили контроль над обществом; заложенный в их конституциях принцип разделения властей по-прежнему не имеет ничего общего с реальностью; не становится меньше всеохватывающая коррупция. Во всех странах ЦА/ЮК происходит рост валового общественного продукта (ВВП), но положительная динамика этого главного макроэкономического показателя не сопровождается соответствующим прогрессом социальной сферы: здравоохранения, образования, социального обеспечения. Властным центральноазиатским элитам досталась «трофейная экономика». Они освоили разнообразные способы распределения и присвоения природной ренты. Процесс этот чреват конфликтами, способными нарушить установившееся хрупкое социально-политическое равновесие. Остается нерешенной проблема легитимного, бесконфликтного перехода верховной власти. Проклятый вопрос «Есть ли жизнь после власти?» становится все более важным для стареющих центральноазиатских автократов Назарбаева и Каримова. Идеальной представляется им дэнсяопиновская модель сохранения статуса «отца нации», «верховного арбитра» по истечении срока президентства.

Во внутривнутрирегиональных отношениях центристские тенденции преобладают над центробежными. В политике и экономике страны ЦА/ЮК апеллируют к внешним центрам силы. Незаметны признаки прогресса в разрешении Азербайджано-Армянского конфликта. В Центральной Азии развиваются дезинтеграционные процессы. Максимум, на что способны центральноазиатские режимы, имитирующие стремление к консолидации – это периодические встречи лидеров, декларации, обмен заверениями в добрых намерениях и дружбе. Сценарии такого рода спектаклей довольно-таки однообразны. В качестве примера можно привести состоявшуюся в 2006 г. встречу в Ташкенте Назарбаева и Каримова. Граждане Казахстана и Узбекистана ждали от этой встречи решения пограничных проблем, оживления торговли между странами и снижения таможенных барьеров. Однако, несмотря на ритуальный обмен любезностями, практические результаты были незначительны и, как заметил узбекский аналитик Акрам Асроров, «реального прорыва в торговле не произошло». Не задаваясь целью всестороннего анализа, остановлюсь ниже на некоторых, по моему мнению, наиболее существенных проблемах текущей ситуации в изучаемых проектом странах.

Казахстан

Из центральноазиатских стран наиболее динамичной представляется политическая и экономическая жизнь Казахстана. Амплуа просвещенного автократа прочно утвердилось за президентом Назарбаевым. Да и на самом деле, на фоне покойного туркменбаши или давнего конкурента за лидерство в регионе Ислама Каримова правление Назарбаева выглядит, безусловно, более либеральным. Ему мешает груз коррупционных скандалов. Ему мешают вскрывающие подноготную режима внутрисемейные и меж-клановые конфликты в стиле бандитских разборок. Амбиции Назарбаева не ограничиваются лидерством в Центральной Азии – он рвется на широкую международную арену. По способности внутри- и внешнеполитического маневрирования он не имеет себе равных на постсоветском пространстве. Очередная внутриполитическая инициатива казахстанского лидера, разрекламированная как «политическая реформа», состоит лишь в некотором расширении полномочий парламента, где будет доминировать пропрезидентская партия, и, конечно же, при сохранении незыблемой «властной вертикали» и прерогатив президента.

Судя по казахстанской прессе, для Назарбаева эталоном оптимального общественного устройства является Сингапур под авторитарным, продолжавшимся более тридцати лет (1959–1990) правлением бывшего президента Ли Куан Ю (Lee Kuan Yew), передавшего президентство сыну, но сохранившего в качестве «министра-ментора» контроль над политической жизнью страны. Назарбаеву, как, впрочем, и Каримову, и Рахмонову, и Алиеву, да, пожалуй, и Путину, не могут не импонировать идеи сингапурского лидера по поводу возможности и сроков приживания демократии: «В долгосрочной перспективе демократия может победить, но этот процесс не будет легким... Мир слишком разнообразен. Разные расы, культуры, религии, языки и разное историческое прошлое требуют разных подходов к демократии и свободному рынку. И выбор лучшей для данного народа в данный период социальной системы должен быть сделан самим народом, без участия внешних влияний»¹. Такого рода справедливые и ставшие вполне тривиальными суждения приняты на вооружение постсоветскими автократами как объективное обоснование специфики демократизации в их странах, как подтверждение объективной закономерности, оправданности мутантных политических систем, возникших на месте распавшейся империи. При этом говорится, что политическая модернизация по западным стандартам – процесс в общем-то неизбежный, но непредсказуемо длительный. Сингапурская модель, т. е. сочетание либеральной экономической политики и авторитарного режима власти, – таким видится Назарбаеву и другим евразийским президентам оптимальный вариант общественного устройства. Что ж, вполне возможно, что «демократия по-сингапурски» соответствует сущностным особенностям казахстанского общества, объективно обусловлена его историей, его этнокультурными свойствами.

Так это или нет – вопрос, требующий серьезной дискуссии. Но во всяком случае достоин подражания не отягченный компроматом личный стиль поведения сингапурского «ментора», скромная, лишенная помпезности манера подачи себя народу. В этом смысле противоположностью Ли Куан Ю может служить пример также долго правившего индонезийского авторитарного президента Сухарто. Экономический рост богатой нефтью Индонезии был весьма значительным. Верхний слой бизнес-элиты стремительно обогащался. Наверху ее стояла семья президента, захватившая контроль над наиболее прибыльными секторами экономики. Дворцовая жизнь изобиловала частыми скандалами, и общественность будоражили эскапады членов президентской семьи. Судьба Сухарто и его родственников широко известна, и индонезийская драма 1990-х гг. стала *case study* при изучении постколониальной политической истории Азии.

В ходе своих зарубежных поездок Назарбаев предстает перед нами как даже не двуликий, а многоликий Янус. Он дорогой гость и в Москве, и в Вашингтоне, и в Пекине. Он и прозапад-

ный, и пророссийский, и про-китайский. В Вашингтоне он соглашается с позицией Буша по Ирану, а в Тегеране – поддерживает право Ирана на использование ядерной энергии. Казах-станский лидер от природы наделен политическим инстинктом и неординарной изворотливо-стью. Но расположенность к нему в мировых столицах объясняется, конечно, не столько этими его качествами, сколько чрезвычайно благоприятно сложившейся для Казахстана геополити-ческой ситуацией и, конечно же, растущей заинтересованностью в доступе к углеводородным богатствам страны. Много желающих «танцевать» Астану. И она делит свою благосклонность между тремя основными претендентами – основными стратегическими партнерами: и Россия, и Китай, и Америка получили свои доли в нефтегазовых ресурсах Казахстана. Такая эквилиб-ристика оправданна и результативна до тех пор, пока поддерживается баланс в отношениях внутри этого треугольника.

Нынешнее благоденствие Казахстана, справедливо называемого экономическим лидером региона, является сочетанием трех компонент. По степени важности это: наделенность при-родными ресурсами; подскочившие на небывалую высоту цены на экспортируемые сырьевые материалы, прежде всего на нефть; ум, манипулятивный талант и решительность Назарбаева, быстро и бесповоротно поведшего общество по неизведанному, чреватому опасностями пути рыночных преобразований. Заслуги Назарбаева в продвижении рыночной реформы неоспо-римы. В отличие от большинства других постсоветских правителей он оказался адекватен вызовам времени. Но примем к сведению и объективные, изначально заданные предпосылки экономических успехов Казахстана – страны с территорией более 2,7 миллиона квадратных километров при численности населения лишь около 15 миллионов, из которых по переписи 1990 г. 90 % имело среднее и высшее образование, страны с впечатляющими запасами нефти, газа, урана, золота, руд черных и цветных металлов, со сложившимися аграрным и строитель-ным комплексами, с развитой по евразийским стандартам транспортной инфраструктурой, с доставшейся в наследство от Союза многопрофильной научно-образовательной системой и соответствующими кадрами. По уровню стартовых условий для становления постсоветской рыночной экономики «я другой такой страны не знаю». Во всяком случае, в Евразии.

К числу достижений казахстанского руководства относится тот факт, что оно обеспечило базовую макроэкономическую стабильность. Однако эйфория по поводу высоких темпов эко-номического роста, основанного на динамике сырьевого, прежде всего нефтяного, экспорта в условиях зашкаливающего роста цен на него представляется необоснованной. Сохраняется сырьевая структура экономики, критически высок физический и моральный износ преимущ-ественно созданных еще в советские годы основных фондов промышленности и отраслей инфраструктуры, в том числе главных транспортных артерий страны – железных дорог, при недопустимо низких затратах на их поддержание и тем более на модернизацию, обостряется нехватка квалифицированных кадров в реальной экономике.

Одна из очередных масштабных инициатив казахстанского лидера – кампания по пере-ориентации экономики с узкосырьевой специализации на индустриально-инновационную. Объявлено о создании «зон высоких технологий» в Атырауской, Алматинской, Павлодар-ской и Актюбинской областях. Инновационно-технологическую сферу планируется развивать в ударном порядке. Она по идее ее инициатора должна охватывать самые что ни на есть супер-современные направления: информационное, космическое, биотехнологии, нанотехнологии и т. п. Однако пока остается открытым вопрос, каким образом будет финансироваться созда-ние казахстанских «Силиконовых долин»? Не менее важен для осуществления этих планов и вопрос об интеллектуальных ресурсах. За постсоветские годы в Казахстане произошел ката-строфический провал в подготовке специалистов по техническим и естественным дисципли-нам: в последние годы они составляют лишь четверть выпускников вузов, и притом качество образования резко ухудшилось. Характерно, что, например, по данным за 2005 г. не было ни одной защиты диссертации по высокотехнологичным отраслям науки². Какие же кадры

будут претворять в жизнь грандиозные инновационные программы? Может быть, надежнее поставить менее амбициозную, но более реалистическую цель – сконцентрировать имеющиеся ресурсы на глубокой переработке продукции экспортного назначения?

Опасности на пути развития экономик типа казахстанской, на которых лежит пресловутое «нефтяное проклятие», хорошо известны и описаны. Диагностика «голландской болезни» и методы излечения от нее также известны. Назарбаев осознает опасность инерционного развития экономики, ее узкосырьевой ориентации. Он пытается перевести сырьевой ресурс в интеллектуальный. Он способен заразить своим энтузиазмом казахстанских «младотурок» (таковые, по-видимому, все же имеются!), но разделяют ли его намерение снять Казахстан с «нефтегазовой иглы» могущественные круги бизнеса и бюрократии, шкурно заинтересованные в приоритетном развитии сырьевого сектора? Готовы ли они к перераспределению инвестиций, материальных и человеческих ресурсов в пользу несырьевых, даже самых прогрессивных отраслей науки и производства? Думается, что инновационный проект противоречит интересам этих кругов и замыслам его инициатора и пропагандиста Назарбаева на революционную, по существу, перестройку экономики повиснет в воздухе, если он отступит в неизбежном столкновении с ними. По мнению известного казахстанского эксперта Петра Своика, инновационная кампания пробуксовывает, в реальности больше разговоров, чем дела. Более того, он считает, что Назарбаев уже остыл к инновационному курсу, и в его программных выступлениях появились «новые экзотические штучки – социально-предпринимательские корпорации – такое странное сочетание, означающее, что Казахстан должен вкладывать свои капиталы в некие прорывные технологии в других странах»³. Темперамент и амбиции Назарбаева проявляются в увлечении все новыми идеями. Он, безусловно, восприимчив к новациям и в этом смысле внушаем. Его пропагандистский аппарат работает на полную мощность, постоянно подкидывая «граду и миру» поражающие воображение проекты своего босса. Стилистика казахстанского лидера вообще отличается громкими лозунгами и несбыточными, уходящими за временной горизонт программами, которые по идее должны воодушевлять народ, но вызывают лишь скептическую реакцию.

Широко освещаемый массмедиа экономический boom в Казахстане после пережитой страной глубокой депрессии первой трети 1990-х оправдывает несколько экзальтированное состояние властных кругов и обеспеченной части населения (порядка 20–25 % по грубой оценке). Однако трезвомыслящие казахстанские эксперты не могут не осознавать, что, повторяюсь, впечатляющий рост достигнут в решающей мере благодаря чрезвычайно благоприятной конъюнктуре нефтяного рынка (с учетом, конечно, мультипликативного эффекта), а не структурными сдвигами и ростом производительности. Прямая зависимость от ценовой конъюнктуры на мировом рынке углеводородного сырья делает даже близкую перспективу крайне неопределенной. Созданный запас прочности, накопленные золотовалютные резервы, стабилизационный фонд с учетом роста госдоходов и социальных обязательств позволят безболезненно пройти два-три года. Вряд ли более. Не только для руководства Казахстана, но и Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана и, конечно же, России поводом для неуверенности в завтрашнем дне должна быть давно предсказываемая и в последнее время наметившаяся тенденция снижения потребления нефти. Согласно опубликованной в январе 2007 г. информации Международного энергетического агентства (International Energy Agency) потребление нефти тридцатью странами – членами Организации экономической кооперации и развития (Organization for Economic Cooperation and Development – OECD) сократилось в 2006 г. на 0,6 %. Спад произошел в Северной Америке, в Европе и в Тихоокеанском регионе. Снижение, конечно же, небольшое, но значение этого факта в том, что годовое сокращение потребления нефти отмечается впервые более чем за 20 лет. Возможно, сказывается рост продажи автомобилей с малыми объемами двигателя, расширяющееся использование альтернативных источников энергии, в том числе биологического топлива и пр. Спады и подъемы цен на энергоресурсы

в обозримом будущем неизбежны. Если, однако, тенденция к понижению при неизбежных флюктуациях подтвердится, то следует ожидать снижения цен на нефть и газ, которое уже началось зимой 2007 г.: за период с июля 2006 по январь 2007 г. оно составило 17 %⁴. Конечно, скорость и глубина ценового падения зависит от множества факторов, включая возможные политические катаклизмы. Тем не менее отмеченный факт должен восприниматься правительствами стран с петро-экономикой как тревожный сигнал.

Если исключить добычу природных ресурсов и примыкающую к ней сферу, то в Казахстане ускоренными темпами развиваются банковский сектор и торговля. У казахстанских инвесторов, по-видимому, нет уверенности в долгосрочной стабильности экономики. Этим, полагаю, во многом объясняется тот факт, что инвестиции в основной капитал, в производство, в создание новых мощностей, в поддержание и модернизацию старых крайне недостаточны и намного отстают от инвестиций в финансовый сектор и торговлю. Есть и еще одно обстоятельство, не стимулирующее казахстанских инвесторов вкладываться в реальную экономику, – неуверенность в надежности системы защиты прав собственности. Укоренившаяся по всей протяженности властной пирамиды, начиная с самого ее верха, фактически институтированная практика рейдерства, которую бывший министр финансов России Александр Лифшиц в его обращении к капитанам бизнеса сформулировал в двух словах: «делиться надо», не способствует убеждению в надежности владения собственностью – будь то банковские активы или промпредприятия.

В результате развивается своего рода спекулятивная экономика. Нет смысла инвестировать в основной капитал, в производство при несравненно более высокой доходности финансовых инвестиций. При неразвитости внутреннего фондового рынка инвестиционная активность казахстанских банков, отличающаяся чрезвычайным динамизмом, направлена в большей мере за пределы страны. Растущая эмиссия акций и облигаций для скупки активов компаний связана, конечно, с известным риском: насколько эффективны приобретаемые компании, насколько перспективны вложения в те или иные проекты, насколько надежны feasibility study, какова рентабельность банковского бизнеса? Не чрезмерна ли экспансия вырвавшихся на стратегический простор казахстанских финансовых институтов? Настороженность вызывают растущие масштабы кредитования, что отражается в интенсивном наращивании активов, в связи с чем, в свою очередь, возникает вопрос о соответствии их динамики темпам роста банковских капиталов. Заслуживает внимания и разрыв между показателями капитализации банков и внутреннего кредита. Вполне возможно, что, ознакомившись со сложившейся в финансовом секторе Казахстана ситуацией, бывший председатель Резервного банка США Алан Гринспан предупредил бы, как он это сделал применительно к перегретой американской экономике в 2000 г., об опасности возникновения bubble, т. е. искусственно раздутого пузыря, который того и гляди лопнет. Как известно, его пророчество сбылось.

Как показывает современный опыт развитых стран, способность экономики к адаптации мировых новаций важнее для ее развития, чем наделенность природными ресурсами. Ее восприимчивость, соответствие вызовам постиндустриальной эпохи, в свою очередь, зависит от того, существуют ли в стране условия, способствующие раскрытию творческих потенций, раскрытой человеческой предприимчивости, интеллектуальной активности. Билл Гейтс как явление не мог бы появиться в стране, где не существуют условия для безграничного проявления творческой инициативы и востребованности ее результатов. Когда Нурсултан Назарбаев заявляет, что в обозримой перспективе Казахстан должен войти в группу наиболее развитых стран, имеет ли он в виду не только формирование высокотехнологичных секторов экономики, но и действительную, а не декларативную либерализацию политической и общественной жизни?

Не получается дать однозначную оценку Назарбаеву как архитектору возникшего на развалинах империи государства и результатам его правления. Не счесть того, сколько было раз-

воровано, бесхозно растрчено из оставшегося от Союза наследства. Всеохватывающие коррупция и nepoтизм стали системными свойствами созданного им режима. Но в то же время нельзя не признать, что в этот беспрецедентно сложный по историческим меркам период он проявил себя как гибкий, масштабно мыслящий политик. На мой взгляд, его главная заслуга – поддержание стабильности в этой полиэтнической, поликонфессиональной стране. И как инициатор и последовательный стратег экономических реформ он заслуживает уважения. Но при всем при том как он может тратить миллиарды долларов на сооружение поражающих воображение роскошных зданий в новой столице Астане, в то время как месячная зарплата врачей составляет 175 долларов и, по признанию главы администрации Южно-Казахстанской области Шукеева, мебель и постели в больницах еще «сталинского периода», а оборудование операционных и лабораторий «даже не XX век, а нечто более раннее»?⁵

Узбекистан

После Андижанского потрясения правящему режиму Узбекистана предстояло вновь обрести устойчивость и предотвратить возможность новых социальных взрывов. Стабилизировать обстановку можно было только смягчением жесткого экономического прессинга. И Каримов пошел по этому пути. Важно было нащупать пределы, в которых спасительная для режима либерализация экономической жизни не разрушала бы его устои. Думается, что искушенный узбекский strongman нашел этот баланс. Почти все колхозы были преобразованы в семейные фермы, но при этом правительство по-прежнему устанавливает цены на хлопок и зерно, а также цены для централизованного снабжения фермеров материалами и кредитами. Кроме того, местные власти могут по своему усмотрению передавать землю от одних фермеров другим. Чтобы снизить социальную напряженность, провели частичное «раскулачивание»: часть скота, принадлежащего богатым фермерам, передали беднейшим. Либерализация охватила такую важную сферу, как малый бизнес: для открытия малых предприятий принят уведомительный порядок. Приняты послабления в налоговой политике: налоговые органы теперь не вправе заблокировать счета предприятий без решения суда (что, разумеется, снизило размеры взяток налоговым инспекторам). Эти и другие подобные меры положительно сказались на развитии малого бизнеса и в целом на облегчении жизни широких слоев нищающего населения.

Репрессивный диктаторский режим Каримова остается незыблемым, и в то же время налицо положительная экономическая динамика: представляется реалистичным годовой рост валового внутреннего продукта (ВВП) в 2006-м и в ближайшие годы порядка 6 и даже 8 %. Но инфляция по экспертной оценке составляет 10–14 % (по официальной статистике – 7 %). Растут цены на бензин, электроэнергию, общественный транспорт. Немалую роль играет, по-видимому, и рост масштабов кредитования населения и бизнеса. Валютные резервы (Gross international reserves) составляют более \$4 миллиардов и превышают совокупный внешний долг страны. Экономические успехи Узбекистана объясняются главным образом ростом мировых цен на экспортируемые товары. В этом Каримову, как и Назарбаеву, как и Путину, сильно повезло. Это решающим образом сказалось на устойчивости их авторитарных режимов. Для узбекского экспорта последние годы были чрезвычайно благоприятны. Цены на золото достигли в 2006 г. своего 27-летнего пика, и предвидится продолжение роста в 2007-м. Цены на хлопок, медь, алюминий также значительно выросли. Только экспорт золота принес Узбекистану в 2006 г. \$1,5 миллиарда. Экспортные цены на газ в Россию выросли с \$47 в 2006-м до \$100 в 2007 г. Сохраняется положительный торговый баланс, что объясняется не только ростом цен на экспортируемые товары, но и скрытым ограничением конвертации для импорта потребительских товаров. При таком росте экспорта действуют ограничения на импорт через высокие импортные тарифы и нетарифные барьеры. Узбекистан – наиболее протекционистская страна в СНГ. Столь благоприятная внешняя экономическая конъюнктура позволяет власти проявлять большую толерантность по отношению к экономической жизни населения. Это амортизирует жесткость каримовского правления и, по-видимому, отодвигает угрозу очередного социального взрыва.

Кыргызстан

Ситуация в Киргизии выглядит безнадежной. «Тюльпановая революция» исчерпала свой ресурс, и в ноябре 2006 г. произошла новая вспышка антиправительственных выступлений. На сей раз против новоиспеченного президента Бакиева. Новые «революционеры» требовали изменения недавно принятой конституции, а именно превращения страны в парламентскую республику и президента фактически в номинального главу государства. Кончилось тем, что Бакиев согласился с изменениями конституции, согласно которым премьер-министр будет назначаться доминирующей в парламенте партией. За президентом сохранилось право назначать генпрокурора и главу национального банка. В результате возникла некая пародия на парламентско-президентскую республику. Как справедливо заметил Евгений Трифонов, «парламентаризм в Киргизии – это легализация родо-племенной и клановой системы». Вряд ли достигнутый компромисс окажется прочным. Он воспринимается в стране как временное перемирие. И эта зыбкость, неустойчивость ситуации создает гнетущую атмосферу тревожного ожидания новых конфликтов. Экономическое положение отчаянное, да и не с чего ему становиться лучше. В течение всех постсоветских лет экономическая жизнь в Кыргызстане поддерживалась финансовыми инъекциями Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка (МБ), наркобизнесом и, в гораздо меньшей степени, золотом месторождения Кумтор. Мафиозные структуры кормились еще производством алкоголя и торговлей импортными нефтепродуктами. Диктуемые благими намерениями усилия Бреттон-Вудских институтов (МВФ и МБ) привели к атрофии мышечной системы кыргызской экономики. Надежда сейчас на инвестиции извне, в том числе из Казахстана. В общем, «свет в конце туннеля» пока не просматривается. Борьба между торгово-криминальными региональными кланами – ошским, чуйским, нарынским, джалалабадским; между более русифицированным и тем самым вестернизированным, этнически связанным с казахами «Севером» (Бишкек) и более исламизированным, связанным с узбеками и таджиками Ферганской долины «Югом», по-видимому, будет обостряться, и новый политический кризис не за горами.

Туркменистан

И в Вашингтоне, и в Москве с напряжением следят за развитием ситуации в Туркменистане после внезапной смерти Сапармурата Ниязова. Туркмен-баши провозгласил статус страны как «позитивно нейтрального государства» и не вступал ни в какие объединения ни с Россией, ни с соседями, ни с Китаем, ни с западными союзниками. Независимое поведение покойного туркменского диктатора, обусловленное значительными газовыми ресурсами страны, порождало среди других региональных владык плохо скрываемое раздражение, что не могло не сказываться на отношениях между Туркменистаном и остальными странами региона. Непрерывающийся конфликт из-за противоречий вокруг использования нефтяных месторождений Каспия порождал враждебность в отношениях Ашгабада и Баку. Особенно напряженные отношения складывались в постсоветское время между Каримовым и Ниязовым и, тем самым, между Ташкентом и Ашгабадом. Конфликтная ситуация создавалась спорами из-за использования водных ресурсов, эксплуатацией нефтегазовых месторождений на приграничных территориях и др. Дело доходило до того, что прекращалось транспортное сообщение между этими соседними странами. Выйдет ли Туркменистан из изоляции после смерти «великого Сердара»? Возможно, что отношения с окружающими странами станут более добрососедскими, но курс на неприсоединение, скорее всего, сохранится, и вряд ли следует ожидать, что Туркменистан пополнит собой состав Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) или каких-либо евразийских квази-интеграционных структур под эгидой Москвы. А вот поддастся ли новое руководство страны соблазну так или иначе упрочить отношения с Вашингтоном, который проявляет большую заинтересованность в этом, – увидим в недалеком будущем.

Азербайджан

Говоря о ситуации в Азербайджане, следует прежде всего выделить похолодание отношений с Москвой, что чревато не только политическими, но и экономическими осложнениями. Внешняя причина: Газпром в одностороннем порядке аннулировал в 2006 г. пятилетний контракт с Азербайджаном с четко фиксированными ценами и в 2007 г. резко повысил цену на поставляемый Азербайджану газ со 110 до 235 долларов за тысячу кубических метров. Это очередное проявление «монетизации» отношений Москвы со странами ближнего зарубежья весьма болезненно было воспринято в Баку и вызвало соответствующую реакцию президента Ильхама Алиева, который назвал эту акцию Москвы (т. е. Путина) «коммерчески-агрессивным шагом Газпрома», который противоречит «...духу, характеру и сущности российско-азербайджанских отношений» б. Как замечает Сергей Маркедонов, «попытки Москвы оказывать грубое давление на Баку в энергетическом и политическом плане могут привести к тому, что центр тяжести „азербайджанских качелей“ окончательно переместится в сторону Запада»⁷. В течение 2006 г. президент Алиев пытался проводить по примеру своего казахского коллеги многовекторную политику: поддерживать хорошие отношения с Россией, Америкой, Ираном, Турцией и Европейским союзом. И ему это удавалось. Он был принят Бушем, много раз встречался с Путиным, с Ахмадинежадом, участвовал в Киеве в заседании ГУАМ и подписал в Брюсселе энергетический меморандум между ЕС и Азербайджаном.

Среди многих текущих проблем Азербайджана я бы выделил две первостепенные. Первая связана с ответом на вопрос: насколько реалистична экспортная нефтегазовая стратегия, т. е. насколько в действительности велики углеводородные запасы, какой может быть достигнут уровень добычи, в какой мере и когда может быть обеспечено функционирование нефтепроводов, начинающихся в Баку, в том числе самого большого из них – Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД)? Судя по всему, запроектированное заполнение нефтепроводов возможно только при существенных и возрастающих поставках из Казахстана. Следовательно, возникает еще один вопрос: готова ли Астана к долговременным поставкам недостающего сырья, примет ли она на себя такие обязательства, и если примет, то на каких условиях?

Вторая проблема заключается в конфликтогенных отношениях с Москвой. В связи с развернувшейся в России ксенофобской кампанией, направленной против «лиц кавказской национальности», в Баку возникла вполне обоснованная обеспокоенность (по моей информации, даже паника) по поводу азербайджанцев, работающих на российских рынках и занятых в российском бизнесе. Опыт антигрузинской кампании вполне может быть перенесен и на азербайджанскую диаспору. Проявляя лояльность по отношению к атлантическим союзникам, Ильхам Алиев в то же время старался не вызывать раздражение Москвы. В ноябре 2006 г. в Брюсселе он, по сути, заявил, что Азербайджан не рвется в НАТО и не стучится в двери Евросоюза. Из Брюсселя он отправился в Москву, где постарался убедить Путина в стремлении к прочным добрососедским отношениям с Россией. Никаких претензий не могло быть к Азербайджану и по поводу аккуратности оплаты за поставляемый газ. Чем же мотивировано решение Путина одномоментно и более чем в два раза поднять цену на газ? Может быть, тут, как говорится, «nothing personal» («ничего личного»), и это решение принято во исполнение новой установки на «монетизацию» в отношениях со странами ближнего зарубежья? Нет, дело не в этом. Дело в том, что Азербайджан снабжал газом Грузию по относительно низкой цене, а, как объяснил мне один компетентный московский аналитик, «России ужасно хотелось вставить фитиль Грузии и оставить ее без света и газа, чтобы той мало не показалось. Но Ильхам Алиев никак не мог пойти на уступки Кремлю, потому что Грузия – стратегический партнер Азербайджана и там проживает полмиллиона азербайджанцев. Да и Запад настаивал, чтобы Азербайджан помог Грузии». Попросту говоря, Путин обиделся на Алиева, с которым до недавнего

времени у него были вполне хорошие отношения, за то, что тот не поддержал его в ничем не мотивированной, с точки зрения здравого политического смысла, отвратительно грубой по конкретному исполнению, развязанной по его команде антигрузинской кампании. Даже лояльные Кремлю московские аналитики не в состоянии сколько-нибудь вразумительно объяснить рацию этой, с позволения сказать, политики. Но результат ее очевиден: изгадив, непонятно зачем, почти трехвековые сердечные отношения с Грузией, российский венценосец умудрился не более обоснованно испортить отношения и с Азербайджаном.

В результате, как заметил один бакинский комментатор, «Баку качнуло в сторону Запада». Не случайно сразу после «похолодания» в отношениях с Москвой Алиев под самый Новый год подписал Указ о разработке Национальной программы по защите прав человека – явный жест в сторону Запада, но и одновременно попытка выбить козырь у оппозиции. Вообще, следует объективно признать, что унаследовавший от отца трон азербайджанский президент все заметнее проявляет себя как зрелый политик, более вменяемый, более дальновидный, чем его российский counterpart.

Для Баку важна политическая поддержка России в Карабахском конфликте и в его позиции по поводу нефтяных месторождений Каспия, а также благоприятное отношение к азербайджанским гастарбайтерам. Утрачивая политическое влияние на Южном Кавказе, Москва хочет сохранить позиции в экономике региона. России удалось прибрать к рукам главные промышленные объекты в Армении (одна из причин недовольства Армении), она пока еще довольно заметна в экономике Грузии (подчеркиваю: пока!), что же касается Азербайджана, то здесь шансов у нее мало. В 2006 г. после визита Путина в Баку было много анонсов об активизации в Азербайджане РАО ЕС, РУСАЛ, Внешторгбанка России и др. Однако эти планы российских корпораций остаются на уровне соглашений о намерениях, не более того. Возможно, в Кремле хотят, чтобы российский капитал в той или иной форме пришел в Азербайджан и таким путем закрепил свое влияние в этой главной стране Южного Кавказа. Но желает ли этого сам российский капитал, так ли уж привлекателен для него Азербайджан в сравнении с другими инвестиционными возможностями? Есть основания сомневаться в этом. Да и азербайджанская экономическая элита отнюдь не благосклонно относится к вторжению российских компаний и банков. Например, по имеющейся у меня информации, Национальный банк Азербайджана энергично противится приходу российского Внешторгбанка. Формирующаяся национальная буржуазия приобретает все больший вес во внешнеэкономической политике. Но при всем при том не следует преувеличивать глубину возникшей в российско-азербайджанских отношениях трещины. Скорее всего, Баку будет стремиться транквилизировать Москву: слишком много на нее завязано. Учтем и тот факт, что значительная часть капитала азербайджанских олигархов в том или ином виде работает в России.

Преодолеть наметившийся отход Баку от Москвы будет нелегко. Стоящие у прилавков на рынках, контролирующие розничную и оптовую торговлю, ресторанный бизнес во многих больших и малых российских городах сотни тысяч азербайджанцев вызывают к себе враждебное отношение, доступное пониманию с позиций бытового массового сознания. Легко поддающиеся коррупции местные власти, с одной стороны, заинтересованы в активности пришельцев, с другой – отражают в своей политике недоброжелательное отношение к ним населения. (Азербайджанцы в этом смысле – не исключение. Такое же отношение вызывают и мигранты из других южных республик.) Все это хорошо известно и многожды описано. Введенный с апреля 2007 г. запрет мигрантам торговать на российских рынках, «синдром Кондопоги», ставит азербайджанскую диаспору в России в трудное положение и осложнит жизнь многих семей в Азербайджане, получающих материальную поддержку от своих близких из России.

Естественно, что в Азербайджане растут антироссийские настроения. Старшее поколение, особенно русскоязычная городская интеллигенция, впитавшая в себя русскую культуру, особенно в самом Баку с его полиэтническим населением, до сих пор испытывает на себе

силу притяжения Москвы. Но новые поколения все больше склоняются в сторону Запада. Все шире распространяется англоязычие. Все больше молодежи получает образование в Америке и Европе. На другую часть населения, особенно сельского, усиливается влияние ислама. Распространенная в массовом сознании азербайджанофобия в России и антирусские настроения в Азербайджане создают крайне неблагоприятный фон для улучшения отношений между Москвой и Баку. Как заметил один мой осведомленный собеседник в Баку, «Южный Кавказ и дальше будет уходить от России, и вопрос только в том, как, насколько драматично и в какие сроки».

Угрозы стабильности

На фоне бурных событий двух предшествующих лет – «революции роз» в Грузии, свержения правящего режима в Кыргызстане и Андижанского восстания в Узбекистане – в политической жизни обоих регионов наступило временное затишье. Наиболее резонансными событиями в рассматриваемый период были убийство яркого оппонента правящего режима в Казахстане Алтынбека Серсенбаева, смерть туркменского диктатора Сапармурата Ниязова и обострение кризиса в отношениях России и Грузии. Очередные пертурбации в Кыргызстане, закончившиеся временным компромиссом между президентом Бакиевым и его противниками, и вяло прошедшие выборы президента Таджикистана со стопроцентно предсказуемой победой действующего президента Эмомали Рахмонова большого интереса в мире не вызвали. Впрочем, минувший с момента выхода предыдущего сборника год, слава богу, не был годом «войн и революций». Однако было бы наивно рассчитывать на продолжительность установившейся стабильности. Она может быть нарушена в любой момент столкновением кланов в борьбе за власть в случае тяжелой болезни или ухода в «лучший мир» авторитарного правителя (как заметил Воланд, тот факт, что человек смертен – это еще полбеды, «плохо то, что он иногда внезапно смертен»); или размораживанием Нагорно-Карабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном; или очередным взрывом в российско-грузинских отношениях.

Отнюдь не гипотетическими представляются угрозы стабильности в ЦА/ЮК и факторы экзогенного характера. Достаточно взглянуть на политическую карту мира и ознакомиться с данными о запасах углеводородного сырья Казахстана, Туркменистана, Азербайджана и Узбекистана, чтобы понять, почему в нынешний период энергетической доминанты в глобальной политике, кризисной ситуации на Ближнем Востоке и обостряющейся конфронтации евроатлантических союзников с Ираном и его клиентами ЦА/ЮК и в геоэкономическом, и в геостратегическом измерении набирают все больший вес.

Оба региона вплотную географически примыкают к воспламенившемуся «Большому Ближнему Востоку».

В арабском мире, на Ближнем Востоке происходят необратимые перемены. В предвидимой исторической перспективе следует ожидать углубления и расширения внутриисламской конфронтации, нарастания агрессии между убежденными в своем превосходстве и всесилии иранскими аятоллами и автократами суннитского лагеря, между секулярными и теократическими режимами, между исламской «улицей» и распухшим от петродолларов правящим классом. Можно вообразить немало сценариев нарастания хаоса на Ближнем Востоке при активной, если не решающей, роли Аль-Каиды и других экстремистских организаций и групп. Но очевидно одно: Ближний Восток уже не будет прежним. Исходящая из него агрессия будет дестабилизирующе воздействовать на страны мусульманского мира; особенно на близлежащие; особенно с вестернизированным, хотя и мусульманским, населением и секулярными правящими режимами; особенно включенными в сферу политического и культурного влияния Запада. Именно к этой категории относятся страны ЦА/ЮК (за исключением христианских Армении и Грузии).

Пять постсоветских государств Центральной Азии расположены между тремя глобальными силовыми полями – евроатлантическим, российским и китайским. Среди многих рассмотренных в данном издании тем одна, а именно тема конкуренции между главными претендентами на контроль над регионом – Россией, Китаем и США, не получила должного освещения. Попытаюсь вкратце осветить ключевые аспекты этого противостояния.

Страны ЦА/ЮК ассоциированы в различных, и притом антагонистических по сути, региональных союзах. Грузия готовится вступить в НАТО и является членом организации стран Черноморского бассейна; Азербайджан состоит в антироссийском по сути и виртуальном по

практической значимости политическом объединении Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии (ГУАМ); Армения входит в состав созданного Москвой военно-политического блока нескольких лояльных России стран СНГ – Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); все центральноазиатские страны, кроме нейтрального Туркменистана, вместе с Россией и Китаем входят в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

И в геоэкономическом, и в геостратегическом отношении Центральная Азия играет сейчас относительно более важную роль, чем Южный Кавказ. Три главных конкурента в борьбе за влияние в регионе – Россия, Китай и США. Важным игроком на центральноазиатской арене является и Евросоюз.

Москва, не избавившись от комплекса «старшего брата», проводит реинтеграционные эксперименты, создавая под своей эгидой различные евразийские экономические и военно-политические блоки (ЦАЭС, ЕврАзЭС, ОДКБ и др.) с участием центральноазиатских стран. Однако все эти объединительные усилия повисают в воздухе. Ирредентистские помыслы московских евразийцев дугинского призыва и их идеологических сторонников остаются пустыми заклинаниями. Москвоцентричным постсоветское пространство уже никогда не будет. По словам ведущего казахстанского эксперта в области интеграции стран Центральной Азии и России Серика Примбетова, препятствием является неготовность (политическая и юридическая) этих государств доверить необходимую часть полномочий наднациональным органам. Иными словами, они не хотят уступить Москве часть недавно обретенного суверенитета. Интеграционным процессам должно, казалось бы, способствовать членство стран региона в Шанхайской организации сотрудничества. Но проблема в том, что интересы участников ШОС, особенно ее главных членов – России и Китая, далеко не совпадают. Москва стремится к превращению этой организации в военно-политический союз – своего рода евразийского НАТО; Пекин же не приемлет намерения Москвы втянуть Китай посредством ШОС в противостояние с Западом. Интерес Пекина состоит в экономическом освоении Центральной Азии, в доступе к энергетическим ресурсам региона и, в конечном счете, в обретении доминирующего влияния в нем.

В начале первого срока путинского президентства целью российской внешней политики был провозглашен перенос ее главного направления с дальнего зарубежья на ближнее, т. е. на Украину, Белоруссию и страны ЦА/ЮК. В 2006 г. Россия перестала поставлять странам СНГ (за исключением Армении) энергоносители по низким в сравнении с мировыми ценам, т. е. отказалась от практики субсидирования и перешла на «рыночные» отношения с ними. По словам известного московского комментатора Федора Лукьянова, «платой за хорошие отношения с Россией официально объявляется передача тех активов, в которых заинтересован Кремль. Кто больше «сдал», тот и есть более надежный союзник»⁸. Отказавшись от принципа «дешевые углеводороды в обмен на лояльность», Москва во многом утратила свою притягательную силу. Избавившись от наркотической энергозависимости от России, партнеры по СНГ один за другим сходят с околomosковской орбиты и попадают в поле притяжения других, более могущественных центров силы – США и Китая. Судя по опросам, в массовом сознании русских Украина, Белоруссия и Казахстан воспринимаются как самые близкие из постсоветских стран. Путинское руководство разрушило отношения с первыми двумя, а Казахстан, под успокаивающие декларации Назарбаева о любви и дружбе, о стремлении к интеграции, по сути ведет себя все более независимо от Москвы. Казахстан становится крупным экспортером энергоносителей, расширяет масштабы и географию инвестиционной экспансии в самой России и в странах СНГ. Тот факт, что у России почти не остается надежных союзников в ближнем зарубежье, является серьезнейшим по своим последствиям провалом политики Путина и его политического штаба. Расширение и активизация радикал-националистических движений в России, «русские марши» и другие проявления ксенофобии, участвовавшие случаи убийств иностранцев, мигрантов, «лиц кавказской национальности», организованная Кремлем антиг-

рузинская кампания – все это, надо полагать, не оставляет у народов ЦА/ЮК иллюзий относительно прочности союзнических отношений с Москвой.

Пекин расширяет и углубляет свое влияние в Центральной Азии, используя для этого ШОС. Китай является главным и, пожалуй, единственным бенефициантом сотрудничества в рамках этой организации. Анализ российских экспертов О. Резниковой и С. Жукова показывает, что и аграрный сектор Центральной Азии, в том числе его главная отрасль – хлопковая, и обрабатывающая промышленность региона не в состоянии развиваться под давлением китайского импорта; что «Казахстан и Россия вне сырьевых отраслей абсолютно неконкурентоспособны в сравнении с Китаем», использующим Центральную Азию в качестве «сырьевого придатка»⁹. Надо полагать, что ожидаемое вступление России и Казахстана в ВТО еще больше обострит асимметрию в экономических отношениях членов ШОС в пользу Китая. Торговый представитель России в Пекине сообщает о сокращении в 2006 г. «практически всех статей российского экспорта в Китай за исключением минерального топлива и древесины». И он заключает: «Китайцы рассматривают Россию как рынок сбыта своей машиностроительной продукции. За год они увеличили свои поставки в Россию на 72,6 %»¹⁰.

Комплекс неполноценности по отношению к Китаю, чувство обреченности владеет сознанием не только российской элиты, но и широких масс населения. Характерно в этом смысле высказывание Юлии Латыниной о том, что Китай «есть исторический тренд. Он неостановим». Такое состояние умов обуславливает восприятие Москвой растущую доминанту своего могущественного партнера по ШОС – Китая в Центральной Азии как нечто неотвратимое. Превращение России в младшего партнера Китая с горечью признается московскими political pundits. В предельно осторожной форме это выражено председателем Совета по внешней и оборонной политике Сергеем Карагановым: «Мы не конфликтует с Китаем, но мы чаще ощущаем его геополитический вес», а в наиболее прямой – независимым аналитиком Павлом Святенковым, считающим, что Россия превращается «в лучшем случае в младшего партнера новой сверхдержавы», т. е. Китая. Смена «хозяина» осознается и политическими кругами в самой Центральной Азии. Характеризуя политику Пекина в регионе, известный казахстанский политолог и китаевед Константин Сыроежкин приводит китайскую притчу о «сидящей на холме мудрой обезьяне, наблюдающей борьбу двух тигров в долине». И заключает предостережением: «И главное – после того, как тигры обессилеют, не попасть в лапы этой обезьяны...»¹¹ Думаю, что под тиграми он имеет в виду Россию и Америку. Такого рода фаталистические настроения в немалой степени обоснованны. Тем не менее пока еще преждевременно говорить о монопольном контроле Пекина над регионом. «Большая игра» на «центральноазиатской шахматной доске» продолжается, и третий ее участник – Вашингтон обдумывает ходы и разрабатывает свои комбинации.

Вашингтон, в принципе, предпочитает устанавливать двусторонние отношения со странами региона. Но в конце 2005 г. наметился новый подход США к Центральной Азии, получивший отражение в Национальной стратегии безопасности, опубликованной в марте 2006 г. В этом документе Центральная Азия рассматривается в сочетании с Южной Азией: «Южная и Центральная Азия является регионом чрезвычайной стратегической важности, куда американские интересы и ценности вовлечены как никогда ранее»¹². Там же говорится, что «Афганистан примет на себя историческую роль моста между Южной и Центральной Азией, соединяя два этих важных региона». Иными словами, имеется в виду формирование новой геоэкономической конфигурации – «Южная и Центральная Азия», включающая в свой состав пять стран Центральной Азии, Афганистан в качестве «моста», Индию и Пакистан. Госсекретарь Райс в своем выступлении в Казахстане в октябре 2005 г. заявила: «Безопасный и процветающий

Афганистан, скрепляющий Центральную Азию и соединяющий ее с Южной Азией, крайне важен для будущего экономического успеха»¹³. С концептуального уровня этот проект перешел в практику текущей работы и планирования американского внешнеполитического ведомства, глава которого Кондолиза Райс произвела в начале 2006 г. соответствующую структурную реорганизацию, переведя аппарат, занимающийся республиками Центральной Азии, из Бюро по вопросам Европы и Евразии в Бюро по вопросам Южной Азии, в поле деятельности которого теперь входят Индия, Пакистан, Афганистан и Центральная Азия. Комментируя эту акцию, госсекретарь заявила, что регион, включающий в себя эти страны, «нуждается в интеграции» и что такая интеграция становится очень важной целью американской внешней политики. Судя по заявлениям ответственных представителей Администрации, Вашингтон готов материально содействовать интеграции Центральной Азии и Афганистана, созданию афганского транспортного и энергетического коридора, который явится фундаментом построения нового мегарегиона на Азиатском континенте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.